

Юлия Нокс

**Связанные звёздами.
Зов бездны**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Н79

Нокс Ю.

Н79 Связанные звёздами. Зов бездны / Юлия Нокс. – М.: Литнет, 2026. – 230 с.

ISBN 978-5-521-99503-5

Он – космический пират, закалённый в битвах и одиночестве. Она – учёная с Земли, мечтательная искательница ответов среди звёзд. Их связала метка – яд и спасение в одном прикосновении. Теперь их души бьются в унисон... но чем ближе к истине, тем опаснее становится сама Вселенная.

Это история о выборе, который меняет судьбы звёзд. О том, как хрупкое человеческое сердце оказывается способным нести в себе силу целой Вселенной. Им предстоит сразиться не просто с врагами, а с самой сутью разрушения, и понять, что порой спасение мира начинается с того, чтобы спасти друг друга.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99503-5

© Литнет, 2026
© Нокс Ю., 2026

*Любовь во вселенной – это не чудо.
Это катастрофа, от которой ро-
ждаются галактики.*

Глава 1. Жёлтые глаза

ТРЕВОГА! КОД КРАСНЫЙ! ЭТО НЕ УЧЕБНАЯ ТРЕВОГА.

Оглушительный вой сирен прорезал мое сознание. По всем коридорам вспыхнули красные панели. Я едва успела натянуть защитный костюм и подключить систему жизнеобеспечения, как взрывная волна содрогнула корпус. Меня отбросило о стену. Боль резанула бок, а дыхание перехватило. В ушах звенело, из коридора доносились обрывающиеся крики, которые заглушал свист разрывов.

Я еле смогла подняться, пошатываясь, шагала, вперед придерживаясь о стену. Пол под ногами ходил ходуном. *Спокойно. Двигайся. До безопасного отсека всего три сектора.* Шаг. Ещё шаг. Над головой взрывались панели, осыпая скафандр искрами, шлюзы с грохотом перекрывали пути. На миг я взглянула в иллюминатор, а там – бездна. И в ней развернулась адская карусель: целый флот, десятки кораблей, вспышки лазеров и синие шлейфы торпед. Судна сталкивались, разлетаясь на части, разрывались в пламени. Металл плавился и превращался в ничто. Пираты!

– Чёрт... – сорвалось с губ, и я сморщилась от боли в боку. *Бежать.*

Только бежать. Я уже мчалась по коридору, когда стену вырвало взрывом, а ударная волна отшвырнула меня в сторону. Пол ушёл из-под ног, я едва успела уцепиться за поручень. Космос жадно затягивал всё, что плохо лежало. Стабилизировав свое положение магнитными бутсами, нащупала на стене панель контроля. И вдруг –

новый удар. Прямо передо мной в корпус врезалась шлюпка. Металл загудел, двери сорвало, и наружу вывалилось тело.

Мужчина. Он был огромен. Маска скрывала лицо, но в её прорезях сверкнули глаза. Жёлтые. Нереально яркие, словно раскалённое золото в чёрной оправе. И кровь... не красная. Фиолетовая, почти светящаяся. Она текла по шее, окрашивая причудливые узоры татуировок, ползущих под его броню. Я дёрнула рубильник – система создала энергостену, нормализовав давление. Нас хотя бы не вышвырнуло в пустоту. Переключилась на общий канал связи.

– Слышишь меня? – голос сорвался на крик. – Ты жив? Держись! Я помогу!

Ответом была лишь гнетущая тишина, прерываемая хрипами. Я с грохотом раздвинула обломки, впиваясь пальцами в обугленный металл. Его броня вся в царапинах. Он дышал – если это можно было назвать дыханием – тяжело, с бульканьем и клокотанием, вжимая ладонь в рану, но кровь сочилась сквозь пальцы. *Ещё минута, и он истечёт здесь, на этой проклятой станции.* Сорвав аптечный блок с пояса, дрожащими, почти не слушающимися пальцами я вскрыла гермо-гель. Осторожно приподняла его голову. Он смотрел. Не мигая. Жёлтыми, как у хищной кошки глазами, зрачки – бездонные, прожигающие насквозь.

– Я не враг, – прошептала, сама не веря своим словам. – Дай мне... Дай мне помочь. Отпусти руку.

И он убрал руку. Рана была кошмарной – клочья плоти, глубокие рваные края, откуда хлестала густая фиолетовая кровь. Со сжатым сердцем я вдавила гель в рану, ощущая, как под пальцами пульсирует искалеченная плоть. Пластина биопласта легла поверх, плотно, намертво. Пульс под ней был едва уловимой, тонкой нитью, но он был. И это было главное...

– Всё. Готово, – выдохнула я с облегчением. – Ты не умрёшь. Пока нет.

Он молчал. Лишь смотрел. И вдруг – двинулся. Не успела я опомниться, как он поднялся, схватил за талию. Я вскрикнула от нежиз-

данности, ударились о его грудь, но он не дал мне опомниться. Шаг. Ещё. Он почти швырнул меня в ближайший спасательный отсек, ударив по панели. Дверь шлюза захлопнулась, а панель заискрилась.

– Эй! Пстой! – ударила ладонью по бронированному стеклу.

Он взглянул. Всего на миг. Кивнул. И в тот же момент за его спиной врезался снаряд. Взрыв сжёг половину коридора, ослепительная вспышка выела глаза. Энергощит рухнул, давление упало. Я видела, как его отбросило ударом, но он успел выхватить из-за спины нечто, похожее на крюк. Красное поле сверкнуло – и его подхватил тяговой луч снаружи. Он исчез.

Я прижалась к холодной двери, дыша часто-часто, как загнанный зверёк. Но система сработала: отсек отбросило прочь от станции, и он пристыковался к веренице других спасательных капсул. Мы летели.

За иллюминатором исследовательская станция «Эридан» превращалась в груды обломков. Я видела, как металл рвался на части, как крыло лаборатории вспыхнуло ярким шаром, а аномалия втягивала останки, словно ненасытный зверь. И на фоне этого хаоса снова увидела их. Жёлтые глаза. Миг. Отражение в стекле. Я вздрогнула, отпрянула от иллюминатора и зажмурилась. Отражение исчезло.

Меня зовут Элия Вейр.

Мне двадцать пять, и последние два года моим домом стал космос. Нет, я не капитан звездолёта, не наёмник и даже не пилот. Я астрофизик, исследовательница аномалий. Моя работа для большинства не так романтична – анализ полей, построение спектров, чтение данных сенсоров и еще много умных слов. Но для меня это и есть жизнь.

Когда я впервые прибыла на станцию «Эридан», сердце буквально выскакивало из груди. Представьте: огромная конструкция длиной в десятки километров, сотканная из стекла и металла, вращающаяся на орбите тусклой звезды. Множество уровней, жилые купола, ангары, лаборатории. Бассейны, испытательные полигоны, дендра-

рий. Внизу – планета, полностью покрытая океаном, а над головой – сияние аномалии, вечное северное сияние, что никогда не гаснет.

С тех пор прошло два года. Я привыкла к бесконечным коридорам, к призрачному свету панелей, к искусственной тяжести. К голосу автоматического диспетчера, бубнящему: «Учебная тревога. Просьба сохранять спокойствие». Сигналы тревоги стали фоном, частью быта. Раз в месяц, иногда чаще случались – всплески энергии, налёты пиратов, пробные атаки. Нас уверяли, что на станции ничто не угрожает жизни биологическим видам. Поля защиты всегда включены. Обучение действиям в ЧС ежемесячные. Я начала думать, что здесь и впрямь безопасно. Иллюзия.

Смотря в иллюминатор кажется, что космос безмолвный, вечный. Но это обман. На самом деле там шумно. Корабли мелькают огнями, торговые суда пересекают орбиты, патрульные дроны жужжат над корпусом. И среди этого хаоса – десятки рас.

Люди, вроде меня, – самая молодая цивилизация. Для старших рас мы – ещё дети, которых едва допустили к взрослому столу. Нам разрешили колонизировать планеты, строить станции, даже торговать... но мы должны доказать, что заслуживаем место под звёздами. Среди множества рас, нам всегда выделяли три.

Сиархи. Почти не отличить от людей, если не считать их глаз – слишком ярких, сияющих, будто в них горит пламя. Владеют телепатией и считают нас... забавными. Смотрят на людей как на домашних питомцев, которые научились говорить.

Элинн. Высокие, стройные, кожа светится холодным серебром, уши вытянуты, движения точные, выверенные. Их разум – живой вычислительный центр. Создают корабли, строят станции, чинят сломанное. Но и смотрят на всех свысока.

Ксарны. Хищные. Крупные. Кожа бывает разных оттенков – стальной, фиолетовой, угольно-чёрной. Иногда на ней проступают светящиеся узоры. Живут кланами, ведут войны, а самые отчаянные становятся космическими пиратами. Есть и другие: расы с плавни-

ками вместо рук, разумные полуживые машины, кочевники пустоты. Но я ни разу не видела их вживую.

Моя работа – анализировать аномалию. Ловлю её пульсации, строю карты излучения, ищу закономерности. Порой мне казалось, что она живая, эта бездна. Что она смотрит на меня.

Но впервые месяцы я едва не сбежала. Знала межрасовый стандартный язык, готовилась к работе, но реальность оказалась сложнее. У каждой расы – свой акцент, свои привычки, свои правила. Порой одно неверное слово могло обернуться оскорблением. Путалась. Ошибалась. Смущалась. А ещё... грызло одиночество. Вокруг тысячи разумных – и все чужие.

И тогда я встретила Кайрена. Он был из элинн. Работал в техническом отделе, отвечал за энергетические узлы и дроны-ремонтники. Мы познакомились в первый же месяц, когда по моей вине перегорел блок датчиков. Он не стал смеяться. Спокойно всё починил, а потом сказал:

– Ты научишься. Ты умная. Просто чужая. Но умная.

Так и началось наше общение. Потом – совместные обеды, неторопливые разговоры, прогулки по секции с искусственным парком. Восемь месяцев назад мы начали встречаться. Но не живём вместе. Он слишком... рационален. Смотрит порой так, будто я диковинка. Словно редкое земное животное в клетке, за которым он ухаживает, наблюдает, но не понимает до конца. Иногда ревнует. Слишком пылко, резко. К коллегам, к случайным взглядам. Это раздражает, даже иногда это меня обижало. Но я стараюсь не заострять внимание. Он умный. Заботливый. Может быть, всё наладится? Так я думаю каждый раз после наших с ним ссор. Отстраняюсь, погружаясь с головой в работу, тяну до последнего, пока не накроит одиночество... и он не попросит прощения.

Пока – у меня есть работа. И космос, который я люблю всем сердцем. Все хорошо.

Глава 2. Тот, кто рядом

Меня вывели из спасательной капсулы почти за руку – ноги не слушались. В зоне для пострадавших воздух был густым, пропахшим стерильностью и лекарственными парами, а медики сновали, словно муравьи.

– Для человека у вас лишь лёгкие ссадины, – констатировала женщина-медик с голубой кожей, не отрываясь от сканера. – Несколько ушибов, микротрещина рёберного сегмента... Вам невероятно повезло.

Легкие ссадины? Если бы не он, сейчас бы дрейфовала в открытом космосе мёртвым телом, подумала я. Голоса вокруг сливались в сплошной гул, а в голове снова и снова прокручивался тот миг: маска, тяжёлое, почти рваное дыхание. Жгучие татуировки на коже – переливались, словно пламя, вплетённое в серебристо-серый оттенок. Шея, покрытая клановыми метками. Потрёпанный кожаный нагрудник с нечитаемыми символами. И оружие... всё оружие выглядело древним, грубым, будто из иной эпохи. А глаза... Я прикрыла веки – и увидела их вновь. Жёлтые. Ярче любой вспышки за иллюминатором. Они прожгли мою память насквозь. *Кто ты, чёрт побери?*

– Рад, что жива, – спокойный голос вырвал из оцепенения.

Я обернулась. Кайрен – мой парень. Его лицо казалось собранным, даже отстранённо-спокойным, словно происшествие было рядовым событием. Ни дрожи, ни паники. Лишь сухое *«рад, что жива»*. И тут я осознала: мне не хватает тепла, эмоций, подлинного страха потерять. В его словах сквозило облегчение, но не то... не то, чего я так жаждала услышать. В груди впервые кольнуло разочарование. Он осмотрел мою мед карту, я даже не успела осознать, что он рядом. Его уже не было.

Спустя час, пострадавших расформировали. Меня, как самую стойкую выписали сразу же, сунув в руки пакетик с парой обезболивающих таблеток.

Нас усадили в транспорт и развезли по жилым районам. Меня разместили в маленькой капсуле. Комната оказалась на удивление уютной: мягкий свет, встроенное кресло-кровать, белые панели стен, запах озона от систем очистки. Всё напоминало о доме, которого не было так давно. Опустилась на кровать, скрестив руки. Сначала просто сидела, слушая, как внутренняя тишина звенит. А потом накатила слабость – настоящая. Горло сжалось, сердце забилося чаще. Я закрыла лицо руками и, к собственному ужасу, впервые за два года... разрыдалась.

– Ну вот, – всхлипнула в пустоту. – Добро пожаловать, нервный срыв... – И вдруг засмеялась.

Смех вышел хриплым, надломленным, но живым. Слёзы текли ручьём, и я не пыталась их остановить. Я позволила себе признаться: было страшно. И в тот же миг, вспышка уже знакомых глаз. Которые никак не хотели исчезать из памяти.

Прошло несколько дней. Мы с парнем почти не виделись. Бумажная работа, отчёты, комиссии – всё это засасывало выживших с головой. Но сегодня мы договорились встретиться, на площади за рынком, в самом сердце новой планеты-гавани.

Это была маленькая торговая гавань. Где по правилам пребывания запрещались разногласия, применение оружия, насилия и любых других действий влекущих за собой травмы. Как я понял – это один из портов наших нанимателей.

Я уже не первый раз покидала свою капсулу, и примерно ориентировалась по городу. Изначально было страшновато, но нам загрузили маршруты, до основных точек, после чего передвижение стало простым. Этот городок кипел жизнью. Узкие улочки утопали в неоновых вывесках, а воздух пах пряностями, машинным маслом и сладковатой карамелью из стеклянных колб местных торговцев. Я пробиралась сквозь рынок, ловко уворачиваясь от хвостов, крыльев и щупалец. Рядом с людьми мелькали рослые синекожие аурилы в длинных плащах, мелкие колючие фрэйты яростно торговались,

а прямо над головой пронесли гибкие лиари – их кожа отливала изумрудом, а глаза светились в полумраке, словно фонари. И всё это было моей жизнью. Два года назад я боялась выйти за пределы орбитальной станции без сопровождения, а теперь чувствовала себя частью этого космического муравейника.

На площади уже ждал Кайрен. Светлые волосы были аккуратно собраны, взгляд – цепкий. Он подошёл, поцеловал в щёку, но в движениях сквозила напряжённость. И некое раздражение.

– Ты видела? – тихо спросил он, когда мы устроились за столиком у фонтана.

– Что именно? – я уставилась в меню.

– На тебя смотрели! – его голос злобно дрожал.

Я оглянулась. Толпа как толпа – каждый кого-то разглядывает.

– Это рынок. Здесь тысячи глаз, – усмехнулась я, листая страницы меню.

– Нет. Эти были не случайными. – Он сжал кулаки. – Я заметил.

Вздыхнула. Его ревность снова давала о себе знать. Мое раздражение начинало расти.

– Может, тебе показалось? – мягко предложила я, отложив меню на край стола.

– Думаешь, я выдумываю? – голос его резко повысился, и он хлопнул ладонью по столу.

Ссора разгорелась мгновенно. Он упрекал в *«слепоте»*, я – в том, что он ведёт себя нерационально, словно мы не пара. В какой-то момент я просто отстранилась.

– Знаешь что? – я прикрыла глаза, выдыхая напряжение. – Хочу побыть одна, – холодно бросила и ушла.

Я лишь увидела, как он с психом поднялся, опрокидывая стул. Но я уже растворялась в толпе. Шла по городу и впервые я оказалась в его сердце одна. Совсем одна. Лишь я и навигатор на запястье. И это было... по-освобождающему весело. Бродила по улочкам с голографическими витринами, заглянула на рынок световых